

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

НОВЫЕ

ЧЕРНЫЕ
СКАЗКИ

Составитель Парфенов М. С.

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н76

Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Валерия Петелина

Незаконное потребление наркотических средств,
психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью,
их незаконный оборот запрещен и влечет установленную
законодательством ответственность.

ISBN 978-5-17-184005-1

© Авторы, текст, 2025
© Парфенов М. С., составление, 2026
© В. В. Петелин, ил. на обл., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ДМИТРИЙ ТИХОНОВ

ДИТЯ ДЛЯ СЕМИ НЯНЕК

Солнце садится. Ветер несется сквозь лес, а тот изо всех сил пытается схватить его скрюченными ветвями – схватить и удержать, прижать к желто-зеленой своей груди. Но ветер неизменно ускользает, и лес качается, вцепившись в собственные кроны, рвет листья, будто волосы, и плачет взахлеб, и воет, воет в немощем отчаянии – прямо как матушка в последние дни.

Бедная славная матушка! Ванятка отдал бы все на свете, лишь бы вернуться домой хоть на часок, хоть на минутку снова оказаться в ее объятиях. Но нет у него ничего, что можно было бы отдать. Только ветхая одежонка да никчемная детская жизнь. Одежонку никто не возьмет, разве что на тряпье, а жизнь уже обещана другим.

Тятька ступает тяжело, сутулится, на Ванятку не смотрит. За всю дорогу ни разу не взглянул и не сказал ни слова. Да и нет, наверное, правильных слов для такого дела. Хоть до самой дряхлой старости доживи – не сыщешь.

На крохотной полянке тятька останавливается, озирается, словно ища какие-то приметы, и Ванятка понимает: все, здесь они расстаются. Дальше сам. Тятька склоняется к нему, по-прежнему глядя мимо, в траву, в листву, все-таки бормочет что-то – за ветром не разобрать – и, потрепав сына по плечу, уходит прочь. Домой. Через несколько мгновений долговязая фигура его скрывается среди деревьев.

Ванятка едва не бросается следом с рыданиями и мольбой. Но вместо этого, глотая слезы, поворачивается и идет в другую сторону, в глубину леса, в глубину бури. Его ждут там.

Он уже достаточно взрослый и знает немало. Знает, что Семеро Нянек не прощают опозданий. Каждый високосный год они берут себе дитя в услужение и на воспитание, растят его, одаривают небывалой мудростью и многими знаниями, а затем отправляют в дальние края: мир посмотреть и себя показать. Еще никто из учеников не вернулся в родимый дом – столь велика земля и столь трудны их странствия, – потому в деревне и горюют по ушедшим детям как по умершим, потому и упала без чувств матушка, когда услышала, что на сей раз жребий пал на Ванятку.

Но попробуй не отдай дитя! Сгибнет урожай, наползут моровые поветрия, а зимой явится в деревню Коровья Смерть и передушит скот – ото всех этих бед хранят деревню Семеро Нянек, что ждут сейчас Ванятку в сердце леса. Они свято чтут условия древнего договора и ждут того же от деревенских.

Да, умен Ванятка и знает немало. Но недостаточно. Даже не догадывается он о семи дубовых гробах, которые ученику предстоит чистить от плесени и прели, или о семи саванах, которые нужно постоянно подновлять. Понятия не имеет о сводящем с ума запахе тлена, о застывших зубастых улыбках, проступающих из-под гниющих губ, о пустых глазницах и провалившихся носах, о длинных серых руках и тонких серых пальцах. Эти пальцы столь ловко, столь умело вынут его левый глаз, что он почти не почувствует боли.

Глаз Няньки станут передавать друг другу, смотреть сквозь него вокруг и радоваться красоте белого света. А когда левый глаз придет в негодность, наступит черед правого. К тому времени ученик

уже достаточно освоится в доме, чтобы исполнять все положенные работы на ощупь. И вот тогда-то, в вечной тьме, в неизбывной скорби, и начнется его настоящее обучение...

Ничего этого пока не знает Ванятка, а потому радуется, увидев впереди огонек. Он уже выбился из сил, но прибавляет шагу. Он продрог и проголодался и почти не колеблется, когда выходит из бури к избе – покосившейся, почерневшей, поросшей осинками. Лишь одно окно у нее, совсем крошечное, забранное мутной слюдой. За слюдой пляшет пламя свечи. Оно здесь для него, только для него – те, кто ждут внутри, не нуждаются в огне.

И когда Ванятка, собравшись с духом, стучит в кривую замшелую дверь, свеча гаснет.

ИРИНА СОЛЯНАЯ

ПОДСНЕЖНИК ТРОФИМА

Мое сердце предчувствовало скорую беду: зря из поселка изгнали старуху Юмдолгор. Конечно, в наш просвещенный век никто уже и не боится ведьм, но это в Санкт-Петербурге. А в таежной глуши такого насмотришься, что и в злых духов, и в шаманов, и в колдунов поверишь. Кто-то сказал, что из-за Юмдолгор и зачах шаман, что сила его в Нижний мир ушла, что опоила его старая, обманула. Ну и зачем тогда такой хранитель поселка, если любая косматая старуха его ногтем скovyрнет? Может, из Юмдолгор вышла бы шаманка не хуже прежнего?

Но староста Олзо-ахай показал на нее пальцем, и разгневанные мужчины разломали остов ее юрты, раскидали шкуры и прогнали старуху в тайгу. Долго ветер выл ее смехом, а женщины плакали и приговаривали:

— Будет мстить нам ведьма!

В ночь разбушевалась буря, сломала старую лиственницу и повалила на колодец. Два дня не могли напиться воды, пока не распилили и не растащили ствол с ветками. Заглянули — а на поверхности воды мусор и листья, дохлые птицы и скорлупа из разрушенных гнезд. Олзо-ахай распорядился новый колодец рыть. Без шамана, без милости богов землю ковыряли неохотно, ворчали.

Тогда я подошел к старосте:

— Уважаемый, еще не поздно позвать старуху обратно.

Олзо-ахай вытащил трубку из гнилого рта и ответил:

— Ты, конечно, Трофим-ахай, царский человек, но в дела наши не лезь. Мы в твои не лезем.

Я посмотрел в его раскосые глаза и только зубами скрипнул. «Ну, старый ты упрямец, доиграешься», — подумал я тогда и не ошибся.

На третий день собаки жалобно заскулили и поползли на брюхе к ручью, по берегу которого росли целебные травы. Ни одна не выбралась из поселка. Бешено катались они по земле, поднимали в предсмертной агонии сор и пыль, затем вытягивались в струну и замирали. Все собаки издохли к вечеру.

К концу недели случилась новая беда. Вернулся с луга очумелый пастух и не мог вымолвить ни слова. Напоили его травяным отваром, дали отлежаться, и старик признался, что появилась невесть откуда стая крупных черных волков, окружила стадо и увела в чащу. Старожилы не помнили в округе черных волков, потому люди не поверили пастуху и двинулись на поиски. Трое суток бродили по тайге, но ни коров, ни волков, ни Юмдолгор не нашли. Потом Олзо-ахай сказал:

— Она забрала все, теперь успокоится.

Каждый понял, о ком говорит староста. Мужья жен успокаивали, матери — детей. И правда, на какое-то время наступило затишье.

Люди в поселке были незлопамятные и думали, что в их юрты нет ходу ведьминской злобе, что Юмдолгор насытилась. Посмеивались надо мной:

— Ты, царев человек, настоящей беды не видел! А мы многое пережили.

Буряты были добрыми и простыми, трудолюбивыми и спокойными. Я жил с ними третий месяц, вел перепись, исправлял карты, заполнял сводки, описывал местность, зарисовывал растительный и животный мир. Меня от Баргузинской комиссии откомандировали, а местные юрту построили. Приняли настороженно, но привыкли ко мне

быстро. Я даже женой успел обзавестись. Сирота, юный подснежник, Минжурма.

Через две недели после изгнания ведьмы Минжурма стала чахнуть на глазах. Лицо побледнело, руки повисли прозрачными бессильными стебельками. Глаза потемнели и ввалились. Я заметался по округе, но разуверился в знахарках из соседних селений. Съездил в Баргузин, потратил пять дней, а лекарств не добыл и врача не привез. Захватил, сколько смог, в единственной аптеке пилюль и порошков наугад и как чумной вернулся в поселение. Минжурму дома не застал.

Соседка Очигма сказала:

— Твоя к ручью пошла. Юмдолгор по воде звать. Велела тебе тут ждать.

Я кинулся следом, но соседка схватила за рукав. Покраснела от стыда и говорит:

— Нельзя мне чужого мужа трогать. Просто мне жалко тебя, пропадешь вместе с Минжурмой. Езжай в каменный город, откуда пришел. Это наша беда, а не твоя.

Как не моя?! Мне пятьдесят лет, женат никогда не был, кое-как на картографа выучился и промотался лет двадцать по дальним краям. Своего угла не имел никогда. Каждый раз — новые люди, всякий раз — другая изба. Буряты, сартулы, хонгодоры меня уважали и боялись. Называли ученым человеком, мне это льстило. Я ладил с ними и копейку свою добывал нетрудно. Что бы я в столице делал? Без денег и связей, безотцовщина-байстрюк... Третий месяц, как я под Баргузином обосновался, и юрта своя есть, и жена-красавица... Куда мне возвращаться? Что ты смыслишь в моем горе, глупая Очигма?

Я досадливо высвободил рукав пиджака и поспешил к ручью. Обшарил все кусты, обошел все тропки, нашел Минжурму у белого камня. Ее руки были еще теплыми, но на шее жилка уже не билась, а под

ресницами тускнела черная мгла. Только косы змеились по траве, как живые.

Я пришел поздно.

На коленях я застыл у бледного лица жены. Сколько стоял так — не вспомню. Ничего не оставалось, как оплакивать Минжурму.

— Ах, мой нежный подснежник, почему ты увяла? Сколько я ни дышал на твои лепестки, а вдохнуть в них жизнь не удалось. Что мне отдать за то, чтобы ты снова цвела? Вода ручья пусть напоит тебя, солнечные лучи ласково обогреют, ветер освежит. Только лежит подснежник, склонил голову к земле, и нельзя тронуть цветок рукой, осыплется лишь прах.

Не знаю, откуда пришли эти слова старой бурятской песни о первой любви. Птицы умолкли, слушающая мои рыдания, и серые сумерки укрыли меня.

Из оцепенения меня вызволил чей-то настойчивый шепот:

— Наклонись к ручью, попроси воду о чем хочешь.

Я огляделся и никого не заметил. Только кедровые ветки нависли надо мной и моей мертвой женой. Наверное, я выглядел безумно, но некому было остановить меня, и потому я прокричал что было силы:

— Юмдолгор, приди!

Зашумели кроны, несколько веточек с листьями отломилось и упало в воду, их понесло течением прочь. Никто не отозвался из неприветливого леса. Усмехнулся я: «Ах, остолоп-остолоп! Разве есть такие силы, чтобы мертвых к живым возвращать?!» И в ответ мне прозвучал ледяной голос:

— Ты звал меня, ученый человек, я пришла.

Юмдолгор опиралась на палку, которая нужна была ей лишь для того, чтобы рыться в поисках ядовитых корешков да собак отгонять. Стоило ей перестать притворяться и выпрямить спину, все за-

метили бы: не такая уж старая и слабая. Но теперь не только ее глаза горели ненавистью, а губы кривились, но и мои.

— Верни мне Минжурму.

Ведьма покачала головой.

— Проси чего хочешь. Юрту новую поставлю, червонцев насыплю, буду охранять от жителей, как черный волк.

Наконец Юмдолгор кивнула и достала из кармана дэгэл¹, деревянный гребень и рысью варежку. Протянула мне со словами:

— Расчесывай траву, вытирай мокрые камни до суха. Потом выбрось в ручей и гребень, и варежку.

Я смотрел на нее и думал: «Если я сохраню рассудок, это будет чудом. А пока... Если нужно разбудить от смертного сна Минжурму, то я любому человеку горло перегрызу и его кровью умоюсь. А косы из травы плести — дело нехитрое».

Юмдолгор ничего не попросила за свой обряд, ушла так же тихо, как и появилась. Я радовался, что нет здесь свидетелей, что скоро забудется мой страх, который заставил меня при свете желтой луны расчесывать речную траву и вытирать огромный белый камень. Я не хотел вспоминать, как с каждым моим движением моя мертвая жена тяжело вдыхала речной воздух.

— Ты все сам сделал. Меня не благодари, — сказала Юмдолгор на прощание.

Под утро с Минжурмой мы вернулись домой. Она брела без сил, низко наклонив голову. Ее руки были все еще холодны, а под ресницами густела непроглядная мгла. Никто не видел, как я поднял полог юрты и впустил жену.

Я жарко обнимал тело Минжурмы в промокшем от росы платье, пока оно не высохло, а моя милая

¹ Традиционный костюм бурят.

не раздумянулась. Наутро она сожгла старый наряд и достала из сундука другой, праздничный.

— Каждый день должен быть лучше предыдущего.

Она приготовила мою любимую кашу и испекла шанежки, только сама не съела ни куска.

— Нельзя, чтобы муж смотрел, как я ем. Это некрасиво!

И я согласился.

Минжурма теперь сидела дома, ласково глядя на мои чертежи и карты. Она перестала ходить сплетничать к соседкам, вечерами не прядла с ними и не сматывала в клубки мягкую овечью шерсть.

— Зачем мне подружки? Безмозглые куропатки нашему счастью завидуют.

И правда, мою жену теперь сторонились. Всегда приветливая Очигма и другие женщины шушукались за нашими спинами. Но стоило Минжурме окинуть их огненным взглядом, умолкали и разбегались по юртам. Удивлялся я тому, как изменились дружелюбные буряты. Надо было радоваться, что беды кончились, но лица соседей были мрачнее прежнего.

События той ночи у реки выветрились из моей головы, как смрад болотной воды относится прочь налетевшим ветром. Только раз меня царапнула шальная мысль, что счастье мое непрочно, когда через неделю в поселение приехал мой начальник Васильев.

— Что-то ты, Трофим, в конторе не появляешься, уж не захворал ли? Бледный какой-то... — Он спешил и попытался привязать коня к столбу. Минжурма вышла навстречу и поклонилась гостю. — Ах, какая у тебя жена красавица!

Конь вздыбился и захрапел. Он потянул за собой Васильева, держащего поводья, тот чуть не перекувырнулся через голову. Это показалось мне забавным, но я сдержал усмешку и поспешил на по-

мощь. Васильев сетовал, что дали ему необъезженного. Еле-еле мы привязали беспокойного чертяку. Я видел, что обед Минжурмы Васильеву не понравился, но начальник деликатно промолчал. Бурятские блюда не все любят, что и говорить. Васильев проверил мои карты и заметки, головой покивал и забрал отчет. Наказал мне явиться в Баргузин будущей пятницей, потому что решено закрывать исследование и вся экспедиция переедет вверх по хребту в сторону Курумкана. Там компания геологов прибывает из Санкт-Петербурга, надо встретиться, скоординировать общие действия. Подмигнул Минжурме и ускакал на коне, который дважды чуть не выбросил его из седла.

После отъезда Васильева я места себе не находил, и жена заметила мое беспокойство. Она обвиняла нежными ручками мою шею и зашептала на ухо:

— Нам никакие беды не страшны, когда мы вместе. Никуда ехать не придется. Все изменится.

Ее горячие поцелуи заглушили во мне все сомнения. Это был уже не весенний робкий подснежник, а огненная лилия-саранка. Ее тело стало податливым, и его наполняла невероятная страсть. От Минжурмы исходили волны жара и неги, в которые я нырял. Наша страсть с каждым днем была сильнее, и в редкие часы, когда мы отрывались друг от друга и воцарялась благодарная тишина, я говорил себе: «Как можно сомневаться в нашей любви, способной преодолеть смерть?»

Но срок отъезда неумолимо приближался. Ранним утром пятницы я засобирился, набрал колодезной воды и сунул в подсумок вяленой козлятины. Чувствовал, что за день не управлюсь, а Минжурме наказал приготовить для переезда только самое необходимое, чтобы к моему возвращению она была готова. Жена бесцельно перебирала вещи в сундуках, переставляла плоски, скатывала новенькие шерстяные одеяла и снова раскатывала их.

— Цветочек мой, не плачь, вернусь скоро. Бусы привезу новые. Из прозрачного хрустала.

Но жена мотала головой, и слезинки разлетались по сторонам. Она уклонилась от моих объятий и ушла к колодцу.

С тяжелым сердцем я поспешил к старосте, но тот, бросив на меня высокомерный взгляд, покачал головой:

— Коня не дам.

— Ты в уме не повредился ли, Олзо-ахай?! Я царский чиновник и грамоту показывал тебе! — От волнения я говорил сбивчиво. — Ты должен мне оказывать всякое содействие!

— Ты теперь не царский человек. Ты — поганый волк Юмдолгор. Не ищи у нас помощи. Посмотри на себя, ведьма выпила из тебя всю кровь.

Старик развернулся, чтобы зайти в свою юрту, но я его окликнул:

— Олзо-ахай! Я уеду скоро, насовсем. С женой. Мне надо в Баргузин нынче. Экспедицию переводят. Дай коня!

Я пошатнулся — голова кружилась от быстрой ходьбы.

Старик повернулся и взглянул на меня из-под седых бровей, сросшихся на носу:

— Тебе не уехать отсюда, и ты это знаешь. Коня загубить не дам.

В бешенстве я побежал к дому через густой кедровник, чтобы найти пистолет и пригрозить упрямому Олзо-ахаю. Мне уже порядком надоели средневековые предрассудки этих плоскомордых и узкоглазых туземцев. Когда я без сил ввалился в юрту, Минжурма ждала меня, лежа на ковре. Соблазнительные изгибы бедер манили меня, ее черные глаза горели любовной лихорадкой. Витой шнурок на воротничке платья развязался, Минжурма играла кистями. Я осыпал ее горячие руки поцелуями.

В Баргузин я не поехал ни в тот день, ни на следующий. Я с трудом мог поднять голову от подушки. Сквозь дрему я слышал пение Минжурмы, бархатный голос баюкал меня:

— Я твой нежный подснежник. Подыши на мои лепестки, наполни мое тело жизнью. Что ты отдашь мне, чтобы я снова цвела? Не ручей напоит меня, не солнышко обогреет и не ветер освежит. Только ты будешь держать меня в ладонях. Целую вечность.

Я проваливался в счастливый сон. Для чего мне эти карты, перепись, прииски, контора?..

В понедельник я с трудом разлепил веки. В сумерках собиралась гроза, беспокойные лиственницы шумели над юртами. Я позвал жену, но глухой голос провалился в ватную тишину. Я выбрался из юрты на четвереньках и без сил остановился. Пислышался безутешный детский плач. С трудом я добрался до соседей и отогнул толстую шкуру на входе. Что я увидел? Вместо огня — горстка золы и пепла, а Очигма в лучшем своем уборе лежала на ковре, прямая и желтая, как сухой ствол сосны. Плакала маленькая дочь, склонила голову сестра, муж Очигмы вытирал слезы с морщинистых щек. Олзо-ахай сидел рядом, сжимая ставший бесполезным шаманский бубен. Завидев меня, взрослые замахали руками и закричали на своем варварском языке, а дочка уткнулась носом в грудь отца. Я ретировался. Свежий воздух придал мне бодрости для крика:

— Олзо-ахай! Не тяни время. Я знаю средство от твоей беды!

Из юрты Очигмы никто не вышел. А из-за деревьев показалась хрупкая фигурка Минжурмы. Она несла вязанку хвороста, и я удивился проворности ее движений. Моя жена не казалась слабой и беспомощной ни когда тащила сучковатые ветки, ни когда складывала погребальный костер.

— Минжурма! — позвал я, но она с приветливой улыбкой вернулась в лес за новой охапкой.

Жена носила ветки до полудня, и к тому времени я узнал, что в дальней юрте умерла Сэсерлиг, а слева от нас та же участь постигла и Чимитцу. Все они были молоды и полны здоровья, но именно их мужья разрушили когда-то юрту Юмдолгор.

Рвота подкатила к горлу, и я исторг из себя плесневую жидкость. Минжурма ловко подбежала ко мне и усадила на камень.

— Вижу, что ты не помощник мне теперь, — проворковала она, — но кто-то же должен заниматься делом, когда у других все валится из рук. Не захотели шаманку по воде звать, теперь она сама придет по верхушкам кедров. Выберет любую юрту, заберет ковры и мониста, наденет лучшие платья. Будет ходить от семьи к семье.

Всю ночь полыхали погребальные костры. По лицам мужчин текли слезы. Олзо-ахай с ружьем искал Минжурму по всей округе, словно она в чем-то была виновата. Я смеялся над ним, потому что знал: Минжурма сильная и за себя постоять сможет, да и Юмдолгор в обиду ее не даст.

К утру староста не вернулся, и к вечеру. И через день тоже. Как мог Олзо-ахай в тайге заблудиться, если он с младенчества знал ее, как узоры на платье матери?

В среду за мной приехал конный отряд из Баргузина. Васильев мечтал нацепить наручники на предателя государственных интересов, но застал меня полуживым в остывшей юрте.

Конный отряд бродил между брошенными туземными жилищами. Те, кого не сожгли в погребальных кострах, бросили все и ушли в тайгу. Я один лежал в лихорадке и ждал, когда вернется Минжурма, заварит мне целебного чая и поцелует горячими устами. Она вдохнет в меня тепло, как когда-то сделал я. Но отчего-то моя жена не приходила.